

Решение

Со столба, из динамика, хриплый прерывающийся голос объявил, что через десять минут прибывает пассажирский поезд, следующий из Чернигова до Москвы. Стоянка две минуты. Обвешанная корзинами, затянутыми марлей, пожилая пара засеменила по перрону. Николай проводил их взглядом: «Наверняка клубнику москалям повезли».

Показался поезд. Николай знал эти новые немецкие спальные вагоны с тремя узкими полками на одной стороне и креслом на другой. Немолодая проводница, в истертом кителе и несвежих тренировочных штанах с пузырями на коленках, взяла билет, покрутила, видимо, проверяя таким способом, не фальшивый ли он, и, сняв очки, изрекла:

— Чаю нема. Ступай до крайней. Палыть неможно.

— Я не курю. — Николай усмехнулся. — Вот от рюмки бы не отказался.

— И то дило. — Она вещала на суржике, уродливой смеси русского и украинского языков.

В купе двое сумерничали. Яркая брюнетка, с очень выразительными глазами, поджав ногу, сидела на нижней полке у окна. Напротив, через столик, в кресле уютно устроился худосочный, начавший лысеть мужичок лет тридцати пяти, в очках и пепельного цвета

украинских усах. На столике початая бутылка горилки, шмат сала, несколько помятых соленых огурцов, большие ломти паляницы, печенье и две вскрытые банки пепси.

— Здоровеньки булы! Вот она... — Николай с улыбкой кивнул на столик, — родина гетмана Хмельницкого [1]. Горилка с пепси... Куда идут славяне?! — Николай деловито оглядел купе.

— Сидайте к нам. Теперь и блюдо новое «сало в шоколаде» молодежь пользуется, — бойко ответила женщина.

— Спасибо, жирное и сладкое не пользую. Извините, годы... В юности не пренебрегал. У вас, наверное, деловой разговор, не буду мешать... Могу и в коридоре подождать, пока соберетесь отдыхать, — добавил Николай, выразительно посмотрев на усатого.

Николай вышел в коридор, плотно задвинув за собой дверь.

Свежий воздух охлаждал. Сквозь отражение закрытой двери купе мелькали в окне огни. «За каждым огнем — отношения, надежды... Любовь земная, а может, и неземная... А где-то женятся... А где-то тройняшки родились... А где-то курица яйцо снесла, золотое... Жизнь... Пожар... Урожай собрали... На развод подали... Похоронили... Жизнь... У этих в купе, дай бог, сладится...»

Подошла проводница.

— Уважаемая, есть свободное местечко в другом купе? А то тут молодежь спать не собирается. Я заплачу... Мне на работу завтра с утра.

— Спы, где ложат. Пустых мисц нема!

Николай посмотрел на часы. Прошло всего двадцать минут. В коридоре никого не было. Он приложил ухо к двери. Слышны были спокойные голоса. «Эти будут всю ночь разговаривать... Мне бы хохлушечку, не дюже молодую, симпатичную. Чтоб красный борщ в субботу

под рюмку семейную. Чтоб ночью не ленивая была... и верная. Я тоже верным буду... И чтоб музыку любила настоящую... Надо бы их уложить спать, а самому лечь на среднюю полку, дабы остановить продолжение беседы в потемках». Николай отодвинул дверь.

— Вы из Москвы? — встретила его вопросом брюнетка, спустив ногу.

— Точно, чистый москаль! — Николай улыбнулся.

— Мы тут за профессии балакаем. А вы кто будете? Вот я — замдиректора областной филармонии, а Петро — журналист.

— Я бы не хотел обсуждать свою профессию. — Николай в упор посмотрел на журналиста.

— Это что, тайна? — Женщина с улыбкой протянула ему руку. — Ирина.

В ее глазах и улыбке было что-то призывное, Николай даже вздрогнул. «И взрослая, и очень недурна собой... Журналиюга, похоже, ботаник и вряд ли соперник... Ну что, Коля-Коля-Николаша, чем черт не шутит. А вдруг...».

— Николай... Просто профессия несколько специфичная. Давайте о чем-нибудь более интересном.

План созрел сразу. Из сумки он вынул пакет с пирожками, которые купил в дорогу еще днем, баночку с хреном, кружок украинской домашней колбасы и несколько помидоров.

— Давайте по пять капель, за знакомство, — вальяжно предложил журналист.

— В такой компании грех не пригубить... Вас как величать по батюшке? — Николай обратился к женщине, его глаза уперлись в ложбинку ниже шеи.

— Андреевна. — Женщина перехватила взгляд Николая и улыбнулась.

— По-украински, значит, Ондреевна. Так вот, уважаемые Ирина Ондреевна и Петро, имею честь пред-

ставиться: я заместитель директора первого в Европе предприятия по разведению шерстяных свиней. В Канаде шерстяное свиноводство существует уже много лет.

— Каких свиней? — изумляется журналист.

— Источник холестерина — свиное сало. Это медицинский факт. — Николай прищурился и перевел взгляд на Петро. — А почему у свиней под кожей толстый слой сала? Потому что нет шерсти, ведь у диких кабанов нет подкожного жира. Он и спасает хавроний от переохлаждения. Получается замкнутый круг: жир — это холестерин, а холестерин — это беда. Не секрет, что на Украине сало — главный продукт питания. Так вот, используя методы генной инженерии, мы создаем новую отрасль — шерстяное свиноводство. Шерсть в легкую промышленность, а постное мясо с низким содержанием холестерина на здоровье народу. — Николай шумно вздохнул и продолжил монолог. — После десяти лет селекционной работы мы установили, что качество шерстяного покрова и величина помета, то есть, попросту говоря, количество новорожденных поросят, напрямую зависит от красоты и характера ветеринара, который должен быть женщиной. Иначе хряки, извините за интимную подробность, ленятся осуществлять свое предназначенье. Когда я вас увидел, Ирина Ондреевна, то сразу решил, что вы ветеринар. Правда, насчет характера надо проверить...

— У меня плохой характер. Говорили даже, что взалмошный.

— Перевоспитаем. По второй специальности я психотерапевт, ученик Зигмунда Фрейда, — бросил деловито Николай.

— Я читала его «Толкование сновидений».

— Насколько мне известно, правильно приготовленное сало содержит полезный для умственной де-

тельности холестерина, — подает голос журналист, деловито очищая на столике место для третьего участника купейной трапезы.

— Правильно, но большинство народных рецептов утеряно, — парирует Николай. — Давайте лучше отдыхать. А про холестерин... полезный и вредный, утром погугларим на свежую голову.

Все разом замолчали. Журналист покопался в чемодане, достал зубную щетку, пасту и направился в туалет.

Через четверть часа пассажиры разместились по полкам. Николай занял среднюю.

Он лежал с закрытыми глазами, сон не шел. Ему казалось, что Ирина тоже не спит... «О чем она думает? Может, у них роман... Хотя не похоже... А вдруг эта брюнетка его, Николая, женщина, и она утром уйдет навсегда».

Только под самое утро он отключился. Когда открыл глаза, спутники одетыми стояли в коридоре. Николай задвинул дверь и быстро оделся.

В купе постучали. Вошла Ирина. Она была в прозрачной белой блузке с открытым воротом и в длинной красной плиссированной юбке. На шее розовая камея. Все было ярко, но явно с не провинциальным вкусом. «Теперь только вперед», — приказал себе Николай.

— Моя сестра преподает вокал в Гнесинском училище. Я всегда приезжаю на выпускной концерт. Хотите пойти?.. Не пожалеете. — Она улыбалась. — Будут романсы, русские народные песни из репертуара Лемешева [2]. Помните такого замечательного оперного тенора? Он еще в кинофильме «Музыкальная история» [3] снимался. В него была влюблена половина женщин страны.

— А другая в Козловского... Конечно, помню. Когда концерт давал Лемешев, это событие было. Его искрен-

ность так была нужна загнанному народу! — Николай изучающе посмотрел на Ирину. — Если приглашение остается в силе, согласен... Современная попса — это не мое. Хотите, я вас довезу, у меня машина на стоянке.

— В Козловского были влюблены меньше, хотя фанаток хватало... А за приглашение — спасибо. Здесь идти пешком полчаса. Люблю ранним утром пройтись через Бородинский мост, Смоленку, Арбат... Сумка у меня не тяжелая... Сумасшедшие певцу да и вообще артисту нужны, кто-то ведь должен кричать «браво». Это особенность профессии. Тебя должны узнавать на улице, иначе ты не нужен народу. — Ирина прищурила глаза. — История с пушистыми поросятами — это розыгрыш? Вы просто хотели уложить нас спать... Угадала?

— Ну а зачем под окнами стоять, пуговицы отрывать на память?! ...Ну а царицей песни-спектакля всегда была и будет великая Клавдия Ивановна Шульженко [4], — продолжил Николай, не ответив Ирине. — Рядом можно, пожалуй, только Пугачеву [5] поставить, и то, когда она достойный материал поет. А у Шульженко никогда проходного материала не было. По уровню вокального таланта, художественному вкусу и культуре пения бесспорный король советской эстрады Муслим Магомаев [6]. Мне кажется, что при всей его невероятной популярности он по-настоящему в нашей культуре недооценен. А ведь Муслим не меньшее явление, чем Марио Ланца [7]. Вот они настоящие звезды! А шобла на современной эстраде в большинстве своем десятиваттные лампочки или тусклые фитили.

— Наверное, до пушистых поросят вы были музыковедом. — Ирина со значением покачала головой.

Поезд замедлял ход.

— Звезда — это бриллиант. Их не может быть много. А нынешних пекут как блины. Это бред! Сей-

час можно не учиться в консерватории, а промямлить что-нибудь сексуальным полусшепотом или бедро выше допустимого показать — и звезда. — Николай цокнул языком. — Главное переспать с кем надо...

Поезд остановился. Николай подхватил чемодан Ирины, а когда вышли из здания вокзала, осторожно поставил его на землю:

— Ну, до встречи. Почитаю про Гнесинское училище, чтобы выглядеть на концерте прилично. Основатели вашей альма-матер — Елена, Евгения и Мария, законнорожденные дочери Фабиана Гнесина. Не ошибся?

— Верно-верно! — Ирина игриво помахала рукой.

В первом отделении звучали русские народные песни и романсы. В зале было душно. Ирина предложила в антракте выйти на улицу.

— Ребята знают, о чем поют, и вокальная школа чувствуется... И молодые поют, а не сдают нормы ГТО на сцене. — Николай взял Ирину под руку и отвел к большому клену, стоявшему у решетки, отделявшей двор училища от улицы.

— Во втором отделении будет классика: Шуман, Чайковский, Шуберт, Рахманинов, — тихо сказала Ирина.

— Прекрасно. Это по мне. Какой праздник вы мне подарили... Теперь от вас не отстану... От меня трудно отделаться. Еще пожалеете, что меня пригласили. — Николай произнес последние слова со значением. — А полная блондинка, которая «темновишневую шаль» пела, супер! В трех регистрах как дома, такое крещендо [8] ныне в диковину... А квартет ребят с лемешевской «У ворот-ворот» — просто нет слов. Голосоведение [9] безупречное. По количеству и качеству спетых русских народных песен Лемешев чемпион... Смешно сказать, много лет назад со своей почти невестой поругался из-за Лемешева.

— Это как? — Женщина сделала большие глаза.

— Мы поспорили, кто лучше фольклор поет, Лемешев или Козловский [10]. Я уверен, лучше Сергея Яковлевича никто не исполнял, да и сейчас не исполняет русские народные песни. Козловский пел украинские песни, но он всегда «себя» пел. А Лемешев все проживал. И даже в таком условном мире, как опера... — Николай посмотрел выразительно на Ирину, — он жил. Атлантов, безусловно, по тембру, чистоте и силе голоса превосходит Лемешева, но личную драму Ленского так искренне голосом мог передать только Сергей Яковлевич.

— Соглашусь. А вообще, кто ваши любимые оперные певцы?

— Из басов Борис Христов [11], из теноров Франко Корелли и Марио дель Монако [12]. Я был в Большом на том знаменитом представлении, когда наша могучая Архипова [13] так прижала к своему бюсту тщедушного Монако, что у него ноги оторвались от пола. Великий тенор тогда небось и понял, что такое объятия русской женщины... А кто любимый вокалист, трудно сказать однозначно. Сейчас уже нет тех, кто слышал живую Карузо. А ведь когда пел Карузо, говорят, женщины с кресел падали в обморок. В целом это зависит от репертуара. Никто никогда не споет юродивого, как Козловский. Вообще, русская опера особое явление и по самобытности не имеет аналогов.

— Ну почему, а «Кармен» [14]? — Ирина удивленно подняла брови.

— Это единичное явление... Когда мне плохо, я ставлю четвертый акт «Бориса Годунова» [15] с Христовым. Это вершина оперы не только русской, а вообще оперы как вида искусства. В сцене смерти Годунова, если говорить пафосно, три гения сошлись. Пушкин — Мусоргский — Христов. По-моему, в опере троицы такого

уровня больше не было. — Николай взглянул на женщину испытующе и продолжил. — А разве в западной опере есть аналоги «Князю Игорю», «Садко» или «Русалке»? А такая глыбища, как «Хованщина» [16]..

— У них, в Европе, даже буквы «ща» нет, — пошутила Ирина. — Вы, я вижу, серьезный слушатель, нетрадиционный.

— Если имеете в виду сексуальную ориентацию, здесь у меня все нормально.

— Не надо ерничать! Какой нетерпимый! Употребила этот термин только по отношению к слову «слушатель». — Ирина недовольно постучала ногтями по стволу клена.

— Сомерсет Моэм сказал: «Терпимость — другое название для безразличия»... Почему у нас, где есть такие титаны, как Мусоргский, Чайковский, Рахманинов и еще десятка два композиторов мирового уровня, слушают англоязычную попсу?

— В рок- и поп-музыке больше простоты, а классика по самой природе и истокам элитарна. Людям нужна повседневная музыка, чтобы чувствовать себя в ней свободно, как дома... Вы были бы достойным директором в институте благородных девиц, — Ирина громко засмеялась. — А я живая, современная, хоть и не очень юная.

— Напрасно вы так. Я нормальный мужик!

— Ну и слава богу, а то я испугалась, что меня начнут десяти христианским заповедям обучать, а не тащить в постель... Прошу только не рассматривать эти слова как призыв к действию.

— По части нравственности, сознаюсь, я сильно уступаю супругу Анны Карениной. — Николай засмеялся и положил руку на плечо женщины.

— Надеюсь, не настолько, чтобы сожалеть о приглашении вас на концерт? — Она мягко сняла его руку.

— Постараюсь до поры до времени скрывать свои аморальные наклонности.

— Так вы, оказывается, еще и опасный лицедей! — Ирина цокнула языком.

— Вы мне льстите... А по части ширпотребка в искусстве — не могу уразуметь: почему техника усложняется, а искусство упрощается?

— Во все времена было лубочное искусство — для простолюдинов и элитарное — для образованной публики. Народ любит не просто вокал, а представление с вокалом. Это естественно.

— Не убедительно! — Николай улыбнулся и цокнул языком.

— Ну слава богу, сда-а-а-ался начальник пушистых поросят. Оказывается, мы тоже не лыком шиты! — Ирина легко похлопала ладонью по руке Николая.

Он почувствовал, как горячие иголки впились в его предплечье. Ему вдруг так захотелось в самом деле сдать эту женщине. «С ней так легко, и в словесной перепалке — на равных...»

После концерта Ирина подвела Николая к своей сестре. Он галантно поклонился и сказал нужные слова. Ирина что-то шепнула сестре на ухо. Та понимающе кивнула.

Москва устала за день. Асфальт был теплый и мягкий.

— Позвольте в благодарность за прекрасный концерт пригласить вас на десерт, здесь неподалеку есть кафе, оно допоздна работает, — Николай взял Ирину за руку и слегка сжал ее. У нее была тонкая и нежная кисть.

— Пойдемте лучше к моей сестре на чай. Она живет рядом, в Староконюшенном переулке.

— Неудобно, уже поздно, — неуверенно сказал Николай и пожалел, «а вдруг она ответит — ну как хотите».

От нее исходил зовущий аромат: «неужели это и есть феромоны в действии?» Уже много лет он не испытывал непреодолимого желая прямо на улице обнять женщину.

— У артистов все удобно, это обычное дело... — Она потянула руку и, освободившись, оперлась на его предплечье. — Люблю крепких мужчин... Сестра пригласила нас.

— Я много лет провел в спорте, но это так далеко теперь, будто и не было вовсе. Счастливое и беззаботное время. Пахота ежедневная до отключки. За тебя тренер и врач думают — когда обед, когда на ринг, когда отжиматься и спать.

— И с кем спать тоже тренер решает? — Ирина улыбнулась и прищурила глаза.

— Тогда мы об этом не думали. На сборах до койки на четвереньках доползали. Это было время увлечения тренировочными нагрузками: с двухпудовыми рюкзаками по сорок раз по лестнице взбегали на время... А в Москве условий не было. В коммуналках жили, все на глазах.

— Не влюблялись, что ли?

— Почему не влюблялись? Но среди нас больше романтиков было, чем «умельцев» и «перехватчиков».

— Не поверю. Ребята молодые, крепкие. Неужто монахами были?..

— Был у нас один одаренный по женской части. Выступал в 51-м килограмме, и ростом — сто пятьдесят с кепкой. У нас сборы с гимнастками-художницами совпадали. В столовой Вован выберет гимнастку повыше, втиснется перед ней, прижмется к красоте, и так заговорщически вещает: «Заслони меня, а то девки так и прут...» Слава богу, я понял, что спорт дело хорошее, но временное, отстаешь от сверстников. Надо в жизни что-то успеть... Вовремя ушел...

— А я слышала, что боксеры — активные мужчины...

— Когда есть «объект», нормальный мужчина всегда активен... Вообще, эта тема как-то между нами не обсуждалась. Время другое было, и о «порнухе» мы ничего не знали... Каждый сам проходил этот путь... А вот вы хотя и пытались «балакать», выговор-то у вас москальский, — Николай цокнул языком.

— Что значит, слух музыкальный. Я не делаю мужчинам комплименты, но здесь вынуждена нарушить принцип. — Ирина засмеялась. — Да, я родилась в Москве, в квартире, куда мы идем. Окончила Гнесинку, прошла по конкурсу в Московский театр оперетты. Два сезона проработала. Но на гастролях простудилась и потеряла голос. Год восстанавливалась, но... — Ирина цокнула языком, — была в полнейшей прострации... Чему вы улыбаетесь? — Она недоуменно посмотрела на Николая.

— Языком цокаете, мама меня ругала за эту привычку.

— А меня сестра донимала... Познакомилась я с одним офицером и уехала с ним в Чернигов. Стал понемногу восстанавливаться голос, взяли в областную филармонию. Муж получил назначение на Дальний Восток. А я в Чернигове осталась. Перед вечерними сеансами в кино пела, опять простудилась... У нас вся семья музыкальная. Было стыдно к своим возвращаться. Тогда родители еще живы были. Сестра нашла в Киеве специалиста, но увы. Не хочу вспоминать. Пережила все одна. — Она посмотрела на Николая. — Вы ведь не женаты? — Она слегка коснулась его бедра.

— Почему вы так решили? — Николай внимательно посмотрел на спутницу.

— Разве я ошиблась? Я могу многое по картам рассказать... Когда стало ясно, что с большой сценой покончено, мысли всякие были, даже и небогоугодные...

К гадалке ходила... Научилась и сама гадать. Второй и последний раз приглашаю на чай.

— Приглашение принято и с удовольствием!

— Ну тогда идем... Похоже зрелый, столичный мужчина начал ухаживать за немолодой провинциалкой. Или я ошибаюсь?

— Ну кто может отказать красивой женщине?!

— Не надо уличных комплиментов! Просто увидела, что вы такой же неустроенный и одинокий человек... А журналист, что с нами в купе ехал, у меня год назад интервью брал... Мне не нравятся журналисты, да и вообще молодые мужчины... — Она исподлобья посмотрела на спутника и тихо добавила, — ни днем, ни ночью... и даже на рассвете.

— Значит, еще не все потеряно для меня. А почему красивой женщине нельзя сказать, что она хороша?

— Когда люди только пытаются познакомиться, комплименты звучат нарочито.

— Согласен. Я даже разовью эту мысль. Если поэт в стихах объясняется в любви всем женщинам, значит, он уже импотент. Проверить ведь нельзя.

— Не поняла. Я девушка теперича провинциальная...

— Во-первых, любить можно только конкретно. Пушкин или Есенин всегда обращались со словами любви к определенной даме. А во-вторых, почему мужчины со снисхождением относятся к прекрасной половине человечества? Принесут по обязательке к Восьмому марта букетик мимозы... А разве нельзя дарить цветы первого апреля или двадцать девятого февраля? Когда душа захочет... Разве не так?

— Ну, философ-холостяк, идем чай пить?.. Запутал совсем скромную и одинокую женщину...

На лестнице пахло кошками. Лифт не работал. Поднялись на четвертый этаж. Ирина достала ключи. На

обшарпанной двери — потускневшая медная табличка «Проф. А. Н. Богородский». Это была старая московская квартира, в которой жили люди искусства. На стенах сплошь фотографии.

— Вы, наверное, в отместку за моих пушистых поросят гадалкой представились? — Николай нагнулся, чтобы снять обувь.

— Не нужно. Этот дом демократический... А я не имею обыкновения «пудрить мозги». Доказать?

— Только сначала о нынешнем, а потом прогноз на ближайшие годы!.. Для убедительности, — добавил Николай внушительно.

Он прошел в гостиную. Посреди нее стоял настоящий концертный рояль. Николай нежно провел рукой по крышке.

— «Bechstein»... Инструмент!.. Как его вносили?

Ирина глазами показала на стул, достала из комода карты и села напротив.

— Когда я родилась, он уже стоял здесь. Ну что ж... Ставим на пикового короля. Уверенный, скрытный, взрослый... Так! — Она разложила карты. — Восемька червей. Вы вложили во взаимоотношения с дамой червей, молодой, очень нежной и чувствительной, много сил. Но сожалеете, что отношения зашли так далеко, — Ирина постучала ногтем по карте и посмотрела, прищурившись, на Николая. — Не надо мне отвечать.

— Ну хорошо, а что впереди? — Не мигая, он глядел на карты.

— Оставляем пикового короля. — Ирина, разделив колоду пополам, вполне профессионально перетасовала карты. — Вас ожидает сложный период раздумий, но вы найдете неожиданное для себя решение, чем успокоите душу и сердце... Вы с алкоголем дружить будете, но недолго... Странно, по картам вы то сомневающийся, то решительный.

— Это для любого и в любой ситуации подходит. Всегда есть проблемы, сомнения и принимаемые решения. Иначе бы жизни не было, — Николай цокнул языком.

— Ну тогда, ученик Фрейда, давайте чай пить! — Ирина убрала карты.

— Есть такое понятие «вероятность». В обиходе этим пудрят мозги простому люду. Ну, скажем, выступает профессор-синоптик и вещает, что с вероятностью восемьдесят процентов дождя не будет. Бабуся не взяла зонтик и промокла. И какое дело бабусе до вероятности в восемьдесят процентов?! Штука в том, что, по отношению к единичному, неповторяющемуся событию, вероятностная оценка чушь собачья. Всегда можно сказать, что «попал» в двадцать процентов.

— Это очень напряженно для моих гуманитарных мозгов.

— Объясню на примере. У меня в юности был приятель, большой педагог по женской части. Его отец-генерал не поощрял педагогические опыты сына. А мать считала, что сыну надо перебеситься, и дала ему ключ, который оставила ей подруга, чтобы в квартире поливать цветы. Приятель решил подготовиться к встрече своей пассии заранее, но ключ не подошел. Мать позвонила подруге и узнала, что та дала копию, которую заказала в мастерской рядом с домом. Друг только сдал экзамен по теории вероятности и, облеченный знанием, подошел к делу так: если при изготовлении копии с оригинала была допущена ошибка, то существует вероятность, что при изготовлении нескольких копий с «плохой» копии может быть сделана ошибка в другую сторону. Пятая копия подошла. Вот это и есть вероятность в действии.

— Все равно не поняла... Жизнь покажет, врут карты или нет. Только не забудьте про мое гадание...

— Не забуду. А мне как до вас правду донести?

— Захочется — сможет, люди говорят... Расскажите о себе. — Ирина положила ему в розетку варенье. — Вы как к сладкому относитесь? Я ужасная сластена.

— Я... полуинтеллигент с выраженными нахальными склонностями, которые пытаюсь скрывать... Люблю варенье в чай класть. Мама говорила, что это «компот».

— Удивительно, я тоже люблю такой «компот». — Ирина кокетливо покачала головой. — Нынче и четверть интеллигента — антиквариат.

Николаю вдруг так захотелось рассказать ей все... Он посмотрел на часы.

— Оставайтесь. — Ирина перехватила его взгляд. — Я не буду претендовать на вашу неюную мужскую честь... Хотите, на настоящем граммофоне поставлю Карузо?

— С удовольствием... Время ушло, техника вокала и воспроизведения другая. Карузо гений бельканто, но он пел «как», а сейчас надо и «что», и «как». В те годы первым «что» был Шаляпин [17]. С Карузо закончилась, по сути, эра чистого бельканто. Ведь настоящее бельканто могло быть только у кастратов.

— Пожалуй, это и я знаю. — Ирина громко засмеялась.

— Неужто и с такими приходилось встречаться?

— А это уже бестактность, даже для полуинтеллигента. — Ирина сморщила нос и покачала головой.

— Извините, я в словесной перепалке иногда не соблюдаю меру. Больше не повторится... — Николай покраснел. — А Энрике Карузо был полноценный мужчина. Не мне говорить профессионалу, что бельканто, прежде всего, чистое воспроизведение каждой ноты: подражание инструменту, а не, как пишут в со-

временных энциклопедиях, «красивое легкое пение». Это следствие, а не определение.

— Прямо профессиональное объяснение! Теперь начнете меня запугивать знаниями из истории возникновения оперы и оперетты.

— Легко... Настоящая опера в Италии началась со Скарлатти-отца [18], а в Германии с Генделя [19]. Тогда и стала популярна кастрация как способ сохранения чистоты звука. А оперетта выросла во Франции из «опера комик», отцом ее считают Жака Оффенбаха [20].

— Ну что, опять в ход пошла завлекалочка. Вы бьете наповал — знаете, что Скарлатти в музыке было два. Сколько у вас этих завлекалочек?

— Пока не сдадитесь.

— Я уже готова. Самой раздеваться или проверить вас как театрального костюмера?

— Каждый пусть делает что умеет... Сейчас приходит время синтетических вокалистов... Можно я вас поцелую? Заодно и проверю, что вы натуральная... — Николай кокетливо покачал головой, — не синтетическая!

— Что за новость? Бестактность — ваше убеждение или следствие дурного воспитания? Я начинаю бояться вас.

— Опять я обмишурился. Марк Твен сказал: «Человек — единственное животное, которое может краснеть и имеет для этого поводы». Наверное, это мой случай... Певцы не писатели и не художники. Как их оценивать? Раньше пели без микрофонов и, тем более, не под «фанеру»... А сейчас звукорежиссеры из бездарности могут сделать Доминго. Я однажды услышал, как в отеле распевается раскрученная звезда, так у нее просто слуха музыкального нет...

— У вас такое выражение лица, дай автомат Калашникова, половину эстрадных звезд перестреляете... — Ирина тоже покачала головой.

— Я просто теряюсь... Почему Марио Ланца и Муслим Магомаев не отдали себя полностью опере, хотя могли блистать на лучших оперных сценах?.. Им нужен был простор, десятки тысяч открытых сердец. Вот они и пели все, от оперных арий до песен и романсов. Кстати, и не пели все подряд. Муслим ведь отказался от предложения Лиозновой петь за кадром в «Семнадцати мгновениях» [21].

— Был бы жив мой отец, заставил бы вас жениться на мне. Он считал, что в музыкальной семье один должен быть исполнителем, а другой теоретиком.

— Неплохая мысль. Вот я с этим прицелом и хочу произвести впечатление.

— Куда уж больше... Мне теперь жутко одной остаться на ночь в доме. Вдруг придут два искусствоведа в штатском. А я «в негляже». Стыд и позор! Закончила Гнесинку, а современных, тем более синтетических, тенденций в вокале не знает. Придется как-то отрабатывать свою некомпетентность... Или вы против?

— Готов по первому призыву проявить свои нахальные наклонности. И вообще, я не настолько стар, чтоб бояться оставаться с женщиной наедине.

— Ну, не так сразу... Мой бывший ухажер, психолог, говорил, что мужчина, проигравший женщине, становится опасным. И вдруг вы в самом деле начнете проверять мою компетентность, а я не буду соответствовать вашим наклонностям.

— Не буду, обещаю. Я умею управлять эмоциями.

— А если я не буду возражать?!

— Ну, тогда другое дело.

Они дружно, в одной тональности, засмеялись.

Наутро они были на «ты». Вдруг ему показалось, что он уже бывал в этом доме. Даже запах был знакомый.

— Сколько дней пробудешь в Москве? — спросил, оглядев Ирину с головы до ног, Николай, когда она появилась в кимоно. — Тебе оно очень идет.

— Вот теперь можешь сказать, что красивой бабе все к лицу... Я в отпуске, пару недель. Надо подкупить кое-чего из шмоток. Хочется выглядеть. Вон какие мужики еще обращают внимание, — она громко, по-театральному, засмеялась.

— Можем вместе в Пушкинский [22] сходить. Я когда-то был знаком с одним искусствоведом или, точнее, искусствоведшей и даже готовился к встречам, почитывал книжки по живописи, — усмехнулся Николай. — Наверное, и сейчас кое-что вспомню. Во всяком случае Гойю от Веласкеса отличу.

Они встречались через день, чередуя ночевки у него и у нее. Как-то утром, наливая ему чай, Ирина сказала:

— Я за партнерские отношения. А то позовешь меня замуж, а я не хочу лишаться свободы. Живу и дышу, как хочу. Борщ могу сварить, а могу и щи... но только когда желание будет! Могу и поголодать с утра. А мужика кормить надо.

— Если честно, не знаю, за какие я отношения. Точно знаю, что не за современные. А еду я сам люблю готовить.

Больше всего его поражало, что она часто говорила о том, о чем он думал. А в постели предчувствовала его поползновения на нестандартность. «Что это? Проявление творческой личности, технологическая оснащенность опытного партнера или гармония двух одиноких людей, обретших друг друга?»

В пятницу Николай повез Ирину к себе домой.

— Давай куда-нибудь махнем на субботу-воскресенье, — сказал он, когда садились в машину.

— Не хочу. Находилась, аж ноги гудят. Я уже отвыкла от московской суеты.

Всю субботу Николай демонстрировал свои кухонные таланты. Он приготовил трехслойный омлет по собственному рецепту, с обжаренным луком, помидорами, сельдереем и сыром.

— Ты настоящий холостяк, — Ирина ела с удовольствием, запивая белым вином. — Так готовят только принципиальные холостяки.

— А какие макароны по-флотски я могу! Попробуешь и останешься навек.

— На это не рассчитывай. Лучше с голоду умру, чем свободу потеряю. Из тебя путного мужа все равно не получится. Больно велик холостяцкий стаж. Это уже диагноз. Ты так заученно все рассказываешь: и про макароны, и про вокал, будто это не премьера, а спектакль, который уже давно на сцене идет, и зрителей все меньше остается. Не обижайся, но я много чего видела и пережила. Не надо гнать велосипед.

— А я никуда не гоню... А про макароны тебе первой рассказываю... Мне тоже не семнадцать и даже не сорок пять.

— Ты был женат? И сколько раз?

— Один, правда один. Почти пятнадцать лет.

— А чего разбежались? Только честно... Не говори о ней плохо.

— Ее только праздники интересовали. А у меня работа настоящая была. Она выходила на кухню мыть посуду, когда я ставил «Всенощное бдение» Рахманинова.

— Не обижайся... Мы, артисты, народ чуткий и ранимый, иногда наивный и игру от жизни не отличаем. Но я уже переболела и... корью, и ветрянкой. И давно температуру без градусника могу определить.

Воскресенье было дождливое. Обоим не хотелось вылезать из постели. Николаю думалось: «А может,

это и есть та пристань, от которой не надо отчаливать? Не было ни одного аргумента против того, чтобы здесь бросить якорь...»

Он подsunул руку под затылок Ирине и властно положил ее голову себе на грудь.

— У тебя сердце стучит, как молот по наковальне, — сказала Ирина. — О чем ты думаешь?.. Сравниваешь? Зря... Я уже привыкла одна просыпаться.

— Сразу обо всем... А если честно, о будущем... Я давно об этом так серьезно не думал. Почему ты сразу траншею роешь?

— А ты не думай. Живи сегодня и радуйся каждому восходу солнца и луне, появившейся из-за туч. Когда я это поняла, сразу легче стало.

— А вдруг пока темно и луны не видно, что-то упущу... Мы вместе упустим.

— Сердце слушай, а головой проверяй.

От нее пахло уютом и спокойствием. Ирина прильнула к нему всем телом и прикрыла ладонью ему рот.

— Не скажешь, что давно не юноша. Этаким бойкий петушок.

— Хочешь совет? Никогда про петушка не говори. По-блатному, «на петушка» означает насильственно сделать пассивным педерастом. — Николай обеими руками прижал ее ладонь к своим губам.

— Откуда у тебя, бывшего ученого и инженера, такие познания? Или ты свою биографию для меня придумал?

— Давно живу, моя дорогая. Отроком я в кармане «перышко» щупал... Тогда половина мальчишек в при-блатненных ходила. А если убрать эту фразеологию, расскажу анекдот на «куриную» тему. Знаешь, что такое «перо»? — Николай закрыл глаза и стал водить языком по ладони женщины.

— Знаю, это финка... А ты чувственный, хоть и опытный.

— Вишь, какая обученная! Феню вместе с нотной грамотой в Гнесинке преподают? — Николай усмехнулся.

— Я еще не то знаю. Мне спокойно с тобой, но не хочу мечтать!

— Догадываюсь... Слушай лучше анекдот.

— Надеюсь, приличный? Я люблю анекдоты, где игра слов, а не грубое «ниже пояса».

— Вполне приличный и игра слов есть. О чем думает петух, когда гонится за несущкой? «Не догоню, так согреюсь!» А о чем соображает курица? «Не слишком ли быстро я бегу?»

— Пошлий анекдот... Я никогда не встречалась с мужчинами по физиологической потребности.

— Хорошо, если эта привычка сохранилась до наших дней! Мне тоже всегда нужны были отношения... Хотя потом неизбежны проблемы...

Только к обеду, разомлевшие и проголодавшиеся, они выбрались из постели. После душа Ирина с мокрыми волосами прошла на кухню.

— Надо знать, с кем встречаться, тогда и проблем не будет. — Ирина постучала ногтем по столу.

— Вот мы и встречаемся!.. Пьем кофе, одеваемся по-быстрому и бегом на рюмку с отбивной в приличное заведение. А потом в Пушкинский. Как говорила моя матушка, «в Музей Изящных искусств на Волхонке». Я буду демонстрировать свою несокрушимую художественную эрудицию. Если напрягусь, вспомню, почему Россия стала родиной абстракционизма и почему Василий Кандинский [23] в двадцать первом покинул Россию навсегда. Это посильнее моей холостяцкой стряпни будет. Может, расслабишься и посмотришь на полуевнуха другими глазами...

— Не надо кокетничать! Мужик ты вроде ничего, но замуж за такого... профессионального холостяка все

равно не пойду. Больно рискованно, а вдруг не получится! Койка, бесспорно, вещь не последняя, но она без чего-то серьезного... быстро кончается. А что важнее для неюной особы, что я скрывать не хочу, вопрос... Бальшой вопрос!

В зале барбизонцев Николай взял Ирину за локоть и подвел к стене, на которой висели картины Коро [24].

— Смешно сказать, но мне постоянно хочется трогать тебя.

— Я и без рукоприкладства сообразила, что барбизонцы — это твое.

— Да. А почему, сам не пойму... А вдруг сбегнешь, а я только привыкать стал, про макароны песни пою, омлет жарю... Похоже, у меня нет перспективы.

— Нет... Мне свобода дороже! И не бойся, я прежнему, когда лыжи наострю... У Коро персонажи — это состояние природы. А ты одиночество свое лелеешь и сентиментальность скрываешь.

— Женщина-социальный философ, это опасно! — Николай ухватил пальцами Ирину за шею и с силой притянул к себе.

— Ничего не опасно. А сломать шею можешь. Может, ты образованный садист... Просто жизнь коротка, Коленька. Каждое утро подарок, пока здоровье есть. Понимаешь это, когда с достойным встречаешься.

— Это я-то достойный? Спасибо. Не ожидал!

— Мне с тобой хорошо во всех отношениях... А кто ты: актер по жизни или всамделишный? Не хочу ошибиться... Лучше так — поматросили, поблагодарили друг друга, извинились за беспокойство, если что... Пусть лучше воспоминания хорошие, чем мордой об асфальт.

— Я и сам понять не могу...

— Ну, вот и договорились. Пока крутим-вертим, а жизнь вырулит. Не хочу строить планы. И тем более,

участвовать в конкурсе. Или, как теперь говорят, в кастинге. Я уж лучше по старинке: глаза в глаза, рука в руке. — Ирина исподлобья посмотрела на Николая и похлопала его по плечу. — Вот так, мой дорогой... музыковед и начальник пушистых поросят...

В воскресенье они ночевали на Староконюшенном.

Две недели пролетели.

Прощаясь на вокзале, они делали вид, что все нормально. Флирт окончен, можно поблагодарить друг друга за маленький спектакль, который они отменно сыграли.

Жизнь входила в обычную колею. Несколько раз Николай порывался связаться с Ириной, но сам себя останавливал: «Зачем, пустое это... Феромоны закончатся, и финиш, Коля. Прибыли на конечную. Выходь с вещами, Коля. Порадовался, помечтал и будя... Не дури, Коля. Уж больно экземпляр сложный!».

Мир с ужасом ждал сбоя компьютерных сетей, которые по заявлениям некоторых малосведущих, но ретивых спецов, могли не перенести переход через «нули». Но, слава богу, все обошлось, и первый день третьего тысячелетия ничем не отличался от последнего дня второго.

По этому знаменательному поводу Николай пригласил в ресторан руководство фирмы, основателем и хозяином которой он был. Пришли одиннадцать супружеских пар.

— Родимую закусывают, а не запивают, тогда полслювкие достойное, — Николай аккуратно до краев наполнил рюмку сидящей рядом Лидии Моисеевне, финансовому директору. Муж ее сидел с другой стороны. — Когда я из спорта ушел, один заслуженный генерал учил меня, как правильно русскую трапезу начинать. Сначала надо щепотку квашеной капусты

с клюквой или брусникой пожевать. Потом медленно, с удовольствием, выпить рюмку холоденькой водочки, закусить селедочкой с кружком репчатого лука без хлеба. Сразу настроение и обстановка будут благожелательные. Проверено опытом.

Все выпили, и застолье заладилась. Когда выпили по третьей, Николай поднял руку:

— Друзья, давайте споем. На правах хозяина, зачну. Есть великая песня Блантера [25] на гениальные стихи Исаковского [26]. Ее долго запрещали. Когда песню на концертах пел Марк Бернес [27], зал плакал... Вот, оказывается, какой я старый.

Николай закрыл глаза:

Враги сожгли родную хату,

Сгубили всю его семью.

Куда идти теперь солдату,

Кому нести печаль свою...

Николай допел до конца. Все молча слушали. Потом пели все, тихо и задушевно.

Разъехались далеко за полночь. Дома Николай крепко «добавил» и заснул на диване, не раздеваясь. Ему было так одиноко и холодно.

В шесть утра он позвонил дежурному и сказал, чтобы пару дней его не беспокоили и что машина ему будет не нужна. Потом вызвал такси, оделся по-походному и поехал на Киевский вокзал.

Он купил оба места в купе спального вагона. До отхода скорого поезда на Чернигов оставалось два часа.

На прогулку по Москве-реке вдоль парапета выстроилась длинная очередь парочек разных возрастов, многие были с детьми. На плечах мужчины сидела малышка с белокурыми кудряшками. Она уцепилась за уши отца и с любопытством вертела мордашкой. Николаю так захотелось подержать на руках кудрявое создание... Рядом мальчик лет восьми степенно держал маму за руку.

После вчерашнего мучала жажда... Всю дорогу под стук колес он дремал. Голова была тяжелая. Мешая друг другу, появлялись, смеялись, плакали и исчезали лица женщин, с которыми его сводила жизнь.

Сидевшая на входе в филармонию бабуля, в телогрейке, в высоких шерстяных носках и галошах, с прищуром посмотрела на незнакомца:

— Ирина Андреевна Богородская не работает уже год как. В Москву уехала. У её сестра хворает. Женщины она видная, а поет как! Поспешай, казак, коли еще не опоздал. Здесь кавалеры всегда крутились... Ты сам-то кто ей: хахль или в мужья набиваешься?

До конца недели Николай не появлялся на фирме и прикладывался. Утром в субботу он встал рано, побрился. «Хватит слюни пускать. Решать надо».

Дверь открыла Ирина. Она была в знакомом кимоно.

— Щи крестьянские серые в печке сварить сумеешь? — Николай обеими ладонями обхватил ее за голову и притянул к себе.

— Мама моя рассказывала, как...

— Ладно, потом расскажешь... Выходи за меня!

— Прямо сейчас, здесь, на лестнице? Может, войдешь, на колени встанешь, попросишь руки и сердца, а я откажу!

— Попроbuy отказать! — Он обхватил ее с силой и приподнял.

— А отношения будут демократические, партнерские? — Она закашлялась.

— Никакой демократии! Спать только со мной. Полный домострой! Меня улаживать будешь без отлынивания, а в перерывах петь романсы и песни из репертуара Сергея Яковлевича и Клавдии Ивановны!

— А подумать можно? — Ирина попыталась освободиться и задрыгала ногами.

— Думать буду я. У тебя никаких прав, одни обязанности. Все согласовано со стариком! — Он еще сильнее прижал ее к себе.

— Какой еще старик? — Ирина с трудом выдохнула. — Медведь!

— Ох, как трудно с вами, артистами. Старик подрабатывает в загсе Гименеем. Консультирует особо уважаемых персон. Вопросы потом. Теперь по делу... Сестра дома? — Николай отпустил женщину.

— Экзамены принимает. Ты мне ребра поломал... Садист... Не пойду за тебя. — Ирина положила руки себе на грудь и часто задышала.

— Ну, мне экзамен уже принимать не надо. Я лучше анекдот расскажу: «Встречаются два холостяка: Веселый и Хмурый. Веселый спрашивает у Хмурого: “Ты чего такой невеселый?”. Тот потупился: “Да, понимаешь, приведу барышню домой, говорю, давай, мол. А она ни в какую”. Веселый говорит: “Ну кто ж так сразу?! Надо по-культурному. Про книгу или писателя спросить”. На следующий день Хмурый приводит барышню: “Пушкина читала?” Та отвечает: “Нет”. — “Ну ложись, потом прочтешь!”».

— Так я еще контракт не видела!

— Потом посмотришь! А сейчас сообщаю: свадебное путешествие в Верону. С утра семейное чтение Вильяма нашего Шекспира.

— Если «Ромео и Джульетта», то не подходит, обоим поздновато.

— Нет! «Укрощение строптивой», в жестком варианте. Куда ты денешься, и я куда без тебя... Ты моя женщина, и не надейся на свободу. Не упущу. Я мужик крепкий. Козловский пел знаменитый романс «Я встретил вас — и все былое...» Хочешь спую?

— Пой, только до конца... Не ошибись!.. И мне эксперименты не нужны... Лучше так, по договоренности...

Примечания:

1. Б. М. Хмельницкий (1595/96—1657) — гетман Войска Запорожского, полководец и государственный деятель, родом из православной шляхты Речи Посполитой. Организатор восстания против Речи Посполитой, в результате которого земли Войска Запорожского вошли в состав Российского Государства.

2. С. Я. Лемешев (1902—1977) — русский советский оперный певец (лирический тенор) и оперный режиссер, педагог, Народный артист СССР (1950). Непревзойденный исполнитель и собиратель русских народных песен. В кинофильме «Музыкальная история» снялся вместе с известными киноактерами Э. Гариним и З. Федоровой.

3. «Музыкальная история» (1940) — художественный музыкальный фильм, комедия. Режиссеры Александр Ивановский, Герберт Раппапорт.

4. К. И. Шульженко — см. прим. 31 к рассказу «Мой друг Вася».

5. А. Б. Пугачева (р. 1949) — советская и российская эстрадная певица, композитор, эстрадный режиссер, продюсер, киноактриса и телеведущая, Народная артистка СССР (1991).

6. М. М. Магомаев (1942—2008) — советский, азербайджанский и российский оперный и эстрадный певец (баритон), композитор, Народный артист СССР (1973).

7. Марио Ланца (1921—1959) — американский певец (тенор) и киноактер. Исполнял оперные арии и песни на эстраде (при этом в опере не пел). Оставил огромное количество записей.

8. Крещендо (итал. *crescendo*) — плавное, постепенное усиление звука при пении (*муз. термин*).

9. Голосоведение — движение голосов певцов в музыкальном произведении (*муз. термин*).

10. И. С. Козловский (1900—1993) — советский оперный и камерный певец (лирический тенор), режиссер, Народный артист СССР (1940).

11. Борис Христов (1914—1993) — выдающийся болгарский оперный певец (бас).

12. Франко Корелли (1921—2003) — великий итальянский оперный певец, «принц теноров» (Карузо — «король теноров»). Марио Дель Монако (1915—1982) — итальянский оперный певец (тенор), которого называют одним из крупнейших оперных певцов XX века и последним тенором *di forza*. По мнению авторитетных музыковедов, великая пятерка теноров XX века: Карузо—Корелли—Монако—Ланца—Джилли.

13. И. К. Архипова (1925—2010) — советская и российская оперная певица (меццо-сопрано), педагог, Народная артистка СССР (1966).

14. «Кармен» — опера Жоржа Бизе в 4 актах, либретто Мельяка и Галеви по мотивам одноименной новеллы Проспера Мериме.

15. «Борис Годунов» — опера М. П. Мусоргского в четырех действиях с прологом (в семи, во второй редакции восьми картинах). Либретто композитора по мотивам одноименной трагедии А. С. Пушкина.

16. «Князь Игорь» — опера А. П. Бородина в четырех действиях с прологом. «Садко» — опера Н. А. Римско-Корсакова в семи картинах. Либретто написано самим композитором на основе русских былин о гусяре Садко. «Русалка» — опера А. С. Даргомыжского в жанре психологической бытовой музыкальной драмы (в основу сюжета легла неоконченная драма А. С. Пушкина, опубликованная после смерти поэта под названием «Русалка»). «Хованщина» — народная музыкальная драма М. П. Мусоргского в 5 действиях, 6 картинах, на собственное либретто по мотивам исторических событий 1682 года.

17. Ф. И. Шаляпин (1873—1938) — великий русский оперный и камерный певец (высокий бас), в разное время

солист Большого и Мариинского театров, а также театра Метрополитен-опера, драматический артист, первый Народный артист Республики (1918—1927, звание возвращено в 1991).

18. Алессандро Скарлатти (отец, 1660—1725) — родоначальник итальянской оперы, крупнейший представитель неаполитанской школы, автор более 100 опер, многочисленных кантат и др.; Доменико Скарлатти (сын, 1685—1757) — итальянский композитор и клавесинист. Его сочинительский стиль оказал большое влияние на музыку эпохи классицизма, хотя он сам жил в эпоху барокко.

19. Г. Ф. Гендель (1685—1759) — немецкий и английский композитор эпохи барокко, известный своими операми (более 40), ораториями, концертами, сонатами и др.

20. Жак Оффенбах (1819—1880) — французский композитор и музыкант, основоположник и наиболее яркий представитель французской оперетты. Наиболее известны: оперетты «Орфей в аду», «Прекрасная Елена», «Перикола», опера «Сказки Гофмана».

21. «Семнадцать мгновений весны» — многосерийный художественный телефильм (на экранах с 1973 года) режиссера Т. М. Лиозновой. Снят по одноименному роману Юлиана Семенова. Один из самых популярных в СССР и России историко-политических сериалов, с успехом продолжает демонстрироваться в наши дни.

22. Государственный музей изобразительных искусств имени А. С. Пушкина (сокращенно ГМИИ им. А. С. Пушкина, бывший «Музей изящных искусств имени императора Александра III при Московском императорском университете») — один из самых крупных и значительных российских музеев европейского и мирового искусства. Памятник архитектуры, расположен в центре Москвы, по адресу: улица Волхонка, 12. Открыт 31 мая (13 июня) 1912 года.

23. В. В. Кандинский (1866—1944) — выдающийся русский живописец, график и теоретик изобразительного искусства, один из основоположников абстракционизма.

24. Ж.-Б. К. Коро (1796—1875) — французский художник и гравёр, один из самых успешных и плодовитых пейзажистов эпохи романтизма, оказавший влияние на импрессионистов. Барбизонская школа — группа французских живописцев-пейзажистов (Руссо, Дюпре, Добиньи и др.), работавших в д. Барбизон близ Парижа в 30-60 гг. XVIII века.

25. М. И. Блантер (1903—1990) — советский композитор, Народный артист СССР (1975). Автор многих шлягеров советского периода (например, «Катюша», «Враги сожгли родную хату» и др.).

26. М. В. Исаковский (1900—1973) — русский советский поэт. Автор слов к песням «Катюша», «Враги сожгли родную хату», «Летят перелетные птицы», «Одинокая гармонь» и др.

27. М. Н. Бернес (1911—1969) — популярный советский актер кино и исполнитель песен. Народный артист РСФСР (1965).